

УДК 34

Законодательные парадигмы в механизме уголовной политики России первой четверти XXI века

Павлычев Михаил Михайлович

Кандидат юридических наук,
Судья,
Краснодарский краевой суд,
350063, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красная, 8;
e-mail: mikhail_pavlychev@mail.ru

Аннотация

Автор осуществил концептуальное исследование современного содержания уголовной политики с точки зрения доктринального ее обоснования сквозь призму анализа смысловой наполняемости законодательных парадигм. В статье представлено дополнительное обоснование модель механизма уголовной политики, определено место названных концептуальных подходов к ее формированию. Особое место занимает систематизация и содержательный анализ законодательных парадигм, как основы уголовной политики России настоящего периода. На основе изучения взглядов отечественных ученых-правоведов определены направления изменения уголовной политики, равно как и содержания законодательных парадигм ее определяющих. Автором представлен критический взгляд на современное состояние уголовного закона, определены пути оптимизации его содержания на основе учета рассматриваемых парадигм. В статье уделено внимание вопросам корректировки уголовной политики в условиях новых реалий существования социума, цифровизации и глобализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Павлычев М.М. Законодательные парадигмы в механизме уголовной политики России первой четверти XXI века // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 563-575.

Ключевые слова

Законодательная парадигма, уголовная политика, доктрина, предупреждение, национальная идентичность, сближение правовых систем, нестабильность уголовного закона.

Введение

Доктрина уголовной политики основывается на концепте парадигмы. Несмотря на изначально теоретическое значение указанной категории, в современной правовой реальности различают непосредственно доктринальную парадигму уголовного права и законодательную.

Законодательная парадигма отражает официальную воззренологическую платформу и показывает, какие деяния порождает виртуальный мир и что они влекут за собой [Кирсанов, Булавина, 2021]. Приблизившись к четверти XXI столетия, общество все более отчетливо осознает необходимость пересмотра уголовной политики в целом и глобальной модернизации уголовного закона, в частности. Справедлив в этом аспекте вывод К. А. Кирсанова и М. А. Булавина о том, что доминирующая законодательная парадигма в настоящее время эволюционирует в новую, которая связана со становлением цивилизации знания риска, формированием базовых основ шестого технологического уклада и отвечает принципам последнего [Кирсанов, Булавина, 2021]. В силу сказанного особое значение приобретает установление содержания законодательных парадигм, присущих уголовному праву России. К таковым следует отнести следующие парадигмы: 1) стабильности уголовного закона; 2) сохранения национальной идентичности; 3) сближения правовых систем; 4) рационального использования уголовного закона как социального инструмента; 5) предупреждения преступлений. Обратимся к установлению содержания каждой из них.

Основная часть

Среди законодательных парадигм особое место занимает парадигма *стабильности уголовного закона*. Следует констатировать, что в единстве и борьбе с категорией «динамизм права» она составляет основу современной уголовной политики, поскольку призвана обеспечить формирование в обществе стабильной системы уголовно-правовых запретов, влекущее за собой установление правопорядка. Стабильное право призвано упорядочивать жизнь общества, служить стабилизации общественных отношений, обеспечению стабильности других социальных и правовых явлений [Дуюнов, 2014].

Основы стабильности уголовного закона закреплены в ст. 1 и 3 УК РФ, однако законотворческая практика за весь период с момента принятия УК РФ 1996 г. свидетельствует об обратном. Стабильность права означает его устойчивость, относительную постоянность, нежелательность частых, тем более поспешных, непродуманных и противоречивых изменений [Дуюнов, 2014]. Однако только первые два года действия УК РФ 1996 г. не были ознаменованы внесением в него каких-либо новелл. К сожалению, с 1998 г. по 2024 г. каждый год отличался неоднократной практикой дополнений и изменений УК РФ (1998-1999 гг. – принято 6 подобных законов; 2000–2003 гг. – 18; 2004–2007 гг. – 15; 2008–2011 гг. – изменения вносились 47 раз; 2012–2015 гг. – 40; 2016–2019 гг. – 39; 2020–2023 гг. – 3 раза). В течение 2024 г. было принято 8 таких законов [Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ и др.]. Со времени принятия УК РФ неизменными остались только 49 статей закона, что составляет 13,6% от их количества [Курсаев, 2021]. Представители отечественной уголовно-правовой науки вполне обоснованно негативно оценивают обозначенную тенденцию *гипер*нестабильности уголовного закона [Сергеев, 2018]. Еще в 2010 г. ряд неравнодушных ученых в открытом письме призвали прекратить порочную практику его необоснованной новеллизации [Ошибки в Уголовном кодексе, 2010]. Однако, к сожалению, не были услышаны законодателем. Справедлив в свете

сказанного вывод А. Э. Жалинского, что многочисленные законодательные новеллы в уголовном праве представляют собой самостоятельную системную проблему [Жалинский, 2015]. Поэтому трудно согласиться с нейтральной оценкой чрезмерной законодательной активности, высказываемой рядом авторов. Так, по мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина изменений в УК РФ вносится немало, но при этом ни качество самого уголовного права, ни его эффективность, ни содержание и результаты правоприменительной и правотворческой деятельности, по своей сути, не меняются [Бабаев, Пудовочкин, 2014]. Вместе с тем нарушение парадигмы «стабильности уголовного закона» формирует такие проблемы, как непроработанность законодательного описания вновь криминализуемых деяний (недопустимое казуистичное описание либо избыточное использование оценочных категорий), нарушение стройной системы построения Особенной части УК РФ; игнорирование принципов дифференциации уголовной ответственности и т.п. На это обращено внимание и другими учеными-правоведами, которые отмечают, что в целях исключения мнимых и реальных пробелов уголовно-правовые запреты становятся все более аморфными, что проявляется в отсутствии четких правовых терминов и требований к гражданам [Курсаев, 2021]. Многочисленные изменения, вносимые в УК РФ за период его действия, влекут усложнение его структуры и приводят к потере системности [Липинский, Малько, Иванов, Маркунин, 2023]. Недостатки в законодательном регулировании порождают дисфункциональность уголовно-правового запрета и обуславливают состояние аномии [Липинский, Малько, Иванов, Маркунин, 2023]. Л. Д. Гаухман называет нестабильность УК РФ угрозой разрушения правопорядка и приводит пять основных негативных последствий регулярного внесения изменений в закон: 1) несоблюдение такового гражданами вследствие его нестабильности, обуславливающей неосведомленность об уголовно-правовом запрете; 2) длительное неприменение новых норм уголовного права правоохранительными органами и судами до формирования практики вышестоящих судов; 3) осложнение обучения уголовному праву в результате быстрого устаревания учебной литературы; 4) затруднение научного творчества по специальностям криминального цикла; 5) порождение неуважения к закону в обществе [Гаухман, 2014].

Солидарную позицию высказывает А. И. Коробеев, указывая, что для современной российской уголовной политики характерно отсутствие явно выраженной цели, что приводит к бессистемности и разнонаправленности изменений и дополнений уголовного закона [Коробеев, 2019].

Следовательно, на современном этапе формирования отечественной уголовной политики первоочередной задачей выступает формирование модели изменений уголовного закона, которая бы соответствовала выработанным наукой принципам криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации. Назрела острая необходимость в развитии концепции криминологической экспертизы проектов изменений и дополнений в УК РФ, равно как и законодательного закрепления обязательности ее осуществления. Стабильность уголовно-правовых норм является самостоятельной ценностью, так как свидетельствует о том, что преступным может быть объявлено только такое деяние, которое будет опасным с точки зрения уголовной политики на протяжении длительного времени [Курсаев, 2021]. Уголовный закон, только сохраняя свою исключительность по характеру государственного принуждения, сможет подтвердить свой авторитет, будет органично вписываться в систему правового государства и восприниматься обществом как необходимый инструмент противодействия преступлениям.

Говоря о стабильности уголовного закона, нельзя отрицать и другого его принципа – *разумного динамизма*. Безусловно, стабильность права и законодательства не предполагает их

неизменности. Уголовный закон не может оставаться неизменным, поскольку является «зеркалом» уголовной политики и обязан соответствовать социальным и политическим реалиям. Вместе с тем следует присоединиться к авторам, которые ратуют за пересмотр текущей модели уголовного нормотворчества [Сергеев, 2018] и создание такой, которая обеспечит формирование необходимых новелл и изменений, прекратит практику политизации закона. Как важнейшие социальные регуляторы и «стражи правопорядка» право и закон призваны обеспечивать простор прогрессивным начинаниям и устанавливая в «нужном» месте и должным образом заслон всему, что этому препятствует [Дуюнов, 2014]. Однако динамизм уголовного закона не может превалировать над его стабильностью, поскольку в его основе лежат устоявшиеся правовые институты и концепты, например, такие как «юридические признаки преступления и наказания»; «основание уголовной ответственности»; «цели наказания»; «дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания»; «структура уголовно-правовой нормы» и т.п. Нестабильность уголовного закона – прямой путь к аномии и правовому нигилизму. В силу сказанного следует подчеркнуть, что в новых условиях существенных социальных, геополитических и внутривнутриполитических изменений в качестве основной парадигмы современной уголовной политики должна выступать «стабильность уголовного закона в сочетании с разумным его динамизмом».

Второй парадигмой уголовного закона России выступает парадигма *сохранения национальной идентичности*. Уголовное законодательство РФ провозглашает исключительную юрисдикцию РФ в отношении преступных деяний, совершенных на ее территории, а также за ее пределами, но направленных против интересов РФ либо гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором РФ или иным документом международного характера (ч. 2 ст. 12 УК РФ). Среди источников уголовного права ч. 2 ст. 1 УК РФ называет нормы международного права. Вместе с тем в целях сохранения суверенитета, а также целостности и преемственности уголовного закона принцип приоритета юрисдикции РФ должен оставаться незыблемым. По мнению В. Ф. Цепелева, «на глобальном и региональном уровнях разрабатывается и реализуется соответствующими субъектами ... уголовная политика мирового сообщества и отдельных регионов», которая должна осуществляться «при сохранении государственного суверенитета и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств» [Цепелев, 2009]. Следует поддержать вывод, что признаваемый любым правовым государством приоритет международного права над национальным иногда приводит к неоправданной формализации положений отдельных нормативных актов страны, что не всегда отвечает ее внутренним интересам [Цепелев, 2009]. Особенно ярко это проявилось в период с 2022 г. Ранее тоже проявлялась политика «двойных стандартов» на уровне международного правоприменения (Международный уголовный трибунал по Югославии (1993–2017 гг.), Международный уголовный трибунал по Руанде (1994–2015 гг.), правовая оценка действий Израиля на территории Палестины в 2024 г.). Все это отчетливо иллюстрирует недопустимость отказа на современном этапе от уголовно-правового суверенитета. Г. И. Богуш справедливо указывает: «При имплементации конвенционных норм ТУП (транснционального уголовного права) следует стремиться не к максимальной унификации национально-правовых определений составов преступлений (что, наоборот, характерно для МУП), а к максимальному учету особенностей национальной правовой системы, «встраиванию», трансформации в нее международных норм, не обладающих прямым действием. Только таким образом может быть обеспечено выполнение государствами своих международных обязательств» [Богуш, 2009]. По мнению А. В. Наумова, развитие уголовного права должно происходить и происходит с учетом

соответствующих международно-правовых актов. Это является свидетельством процесса сближения уголовного права различных правовых систем (европейского континентального, общего, социалистического и др.). Вместе с тем здесь не может быть какой-то универсальности [Наумов, 2013]. Поэтому категорически нельзя поддержать предложения части либерально настроенных авторов о готовности к разрушению национальной правовой (в том числе уголовно-правовой) идентичности в целях «соответствия общемировым стандартам и ценностям». В то же время нельзя отрицать и того факта, что неполитизированные нормы международного права о криминализации транснациональных преступлений формируют почву для необходимого сближения правовых систем современности и создания основы противодействия международным проявлениям преступности. Универсализация уголовно-правовых систем современности создает своеобразную матрицу для дальнейшего прогрессивного развития национального уголовного права [Алауханов, 2010]. Совершенно обоснованным представляется и вывод О.Н. Бибика о том, что при криминализации деяний международное право должно иметь приоритет перед национальным уголовным законодательством только тогда, когда речь идет о защите общечеловеческих ценностей. Во всех иных случаях криминализация деяний, которая предусматривается международно-правовыми нормами, должна проводиться с учетом особенностей культуры государства (принцип культурного суверенитета), что предполагает приоритет национального законодательства [Бибик, 2015]. В этой связи не имеют под собой почвы и являются архаичными призывы о полном игнорировании норм международного права при конструировании национального уголовного законодательства. В данном случае необходимо руководствоваться принципами разумности и целесообразности с учетом национальных правовых традиций и интересов.

Третья парадигма современного уголовного закона – парадигма «сближения правовых систем». Она не является антиподом ранее рассмотренной парадигмы «сохранения национальной идентичности», а напротив, органично дополняет и развивает ее.

Несмотря на существенные изменения на уровне международных взаимоотношений России со странами Европы, Австралии и Северной Америки в период с 2022 по 2024 гг. разумная унификация права под эгидой ООН и иных международных образований остается неизменным вектором развития современной цивилизации. Между тем, имплементация международных норм в национальное законодательство должна осуществляться рационально, с учетом национальных интересов России. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в свое время подчеркивал, что «главной проблемой, с которой столкнулся Конституционный Суд в своей работе, является необходимость одновременного решения двух не всегда легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности – с другой» [Зорькин, www...].

Опыт предыдущих лет отчетливо свидетельствует о позитивном влиянии международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, в том числе и в части обновлении положений отечественного уголовного закона. Обращает на себя внимание, что те новеллы, которые сочетаются с научной парадигмой российского уголовного права, были органично вплетены в систему уголовно-правовых запретов. К таковым в специальной литературе вполне справедливо относят криминализацию обещания посредничества во взяточничестве, подкупа иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, получения сексуальных услуг несовершеннолетнего, публичного оправдания идеологии и практики терроризма, незаконного оборота медицинских препаратов; ужесточение

ответственности за изготовление и оборот порнографических материалов с участием несовершеннолетнего; частичный возврат конфискации имущества как меры уголовной ответственности [Цай, 2016].

Вместе с тем нельзя не согласиться с учеными, выступающими за ограничение бесконтрольного проникновения положений международного права в систему уголовного закона России. В этой связи обоснованы призывы А. Э. Жалинского о необходимости формирования политики государства в вопросе установления пределов отечественного уголовно-правового регулирования. По мнению автора, «крайне необходимо совместными усилиями заинтересованных лиц разработать ориентирующие позиции российской уголовно-правовой власти, адаптированные к реальному содержанию юрисдикционных конфликтов и в полной мере реализующие признаваемые ею принципы» [Жалинский, 2015]. В полной мере следует солидаризироваться с позицией О. Н. Ведерниковой, считающей, что имплементации в отечественное законодательство подлежат только те положения международного права, которые согласуются с принципами российской правовой системы [Ведерникова, 2005].

Думается, что современное уголовное право должно оставаться вне столь нестабильной политической конъюнктуры. Законодатель при конструировании уголовно-правовых норм обязан исходить из цели обеспечения безопасности как на глобальном общемировом уровне, особенно в части деятельности наднациональных криминальных корпораций или преступных правительств, так и на национальном уровне, обеспечивая формирование унифицированных подходов к противодействию международным, транснациональным преступлениям. Игнорирование предложенного принципа в условиях новых реалий цифрового постинформационного общества приведет к искажению обоснованной парадигмы «сближения правовых систем» и обусловит нарушение мирового правопорядка, что в итоге ослабит уже созданную систему противодействия названным преступлениям.

Неотъемлемой парадигмой современной уголовной политики выступает *рациональное использование уголовного закона как социального инструмента*. Как отмечает И. Я. Козаченко, уголовное право представляет собой социальную ценность, духовную реалию, выступающую своеобразным лакмусом, отражающим, с одной стороны, нравственную прочность общественных устоев против напора зла преступности, с другой – суровую необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами [Козаченко (ред.), 2008]. Для отечественной законодательной практики традиционным выступает отнесение уголовного закона к крайней форме государственного реагирования на факты наиболее общественно опасных правонарушений – преступлений. В уголовно-правовой доктрине аксиоматично понимание того, что каждый акт криминализации должен сопровождаться социальным и научным обоснованием ее необходимости [Кудрявцев, 2017]. Криминализация должна опираться на критерии, связанные с определением сравнительной общественной опасности тех или иных видов преступлений [Волкова, 2022]. Именно в этой связи ряд учёных высказываются о несовершенстве нормотворческой практики, которая заключается в осуществлении необоснованной криминализации без необходимых предпосылок [Брыка, Хаперская, 2019]. Н. А. Лопашенко отмечает, что «законодателем вводятся новые нормы, но никакого смысла в этом нет» [Нестабильность уголовного закона, www...]. Нередко в стремлении показать якобы стремление к криминальной безопасности россияне законодатель вводит новые составы преступлений, но при этом указанные новеллы не подкреплены криминологическим обоснованием, не получают экспертных оценок. Между тем, в теории уголовного права аксиоматично понимание того, что появление новых составов преступлений должно основываться на принципах сбалансированности и быть вынужденным, когда иными

мерами противодействия нельзя противостоять новой криминальной угрозе. Несмотря на то, что глава государства на протяжении последних 20 лет провозглашает вектор на гуманизацию уголовного закона, изменения, вносимые в него, нередко свидетельствуют об обратном. Так, впервые задача гуманизации уголовного законодательства и системы исполнения наказаний была поставлена в послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. [Послание Президента РФ, 2002] 20 февраля 2025 г. в ходе встречи с судьями судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов президент России В. В. Путин вновь озвучил идею продолжения гуманизации уголовного законодательства и совершенствования судебной практики. Он отметил, что главной задачей является не только смягчение наказания, но и создание таких условий, которые позволят правосудию действовать более гуманно, с учетом индивидуальных обстоятельств каждого дела [Путин поручил..., www...].

По мнению А. И. Коробеева, действующий уголовный закон отражает репрессивное начало в уголовной политике России начала XXI в. Он приводит следующую статистику: по состоянию на 1 января 2019 г. полная или частичная криминализация в УК РФ была осуществлена 333 раза, а актов декриминализации – всего 109 [Коробеев, 2019]. Безусловно, часть их них имела под собой обоснования, но в большей мере – таковое отсутствовало. Ярким примером подобного выступает криминализация в 2024 г. организации деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173³ УК РФ). Долгие годы в научных кругах обосновывается проблема избыточной криминализации экономических преступлений [Вестов, Шамьенов, 2021], но законодатель вновь отсутствие системы предупреждения правонарушений в экономической сфере стремится восполнить криминализацией. Подобный подход в корне не верен и ведет лишь к разбалансированности уголовной политики, формирует новые факторы коррупциогенности.

Пределы вторжения в уголовное законодательство должны опираться на экспертные оценки, а не на мнение отдельных лиц в руководстве страны и руководстве правоохранительных органов [Лопашенко, 2015]. Несомненно обоснованным в этой связи видится вывод о том, что современная российская уголовная политика строится на свободе отступления от классических принципов уголовного права, использовании уголовно-правового запрета как способа решения социальных проблем, расширении масштабов репрессивности законотворческой и правоприменительной практики, превалировании режима скоростной динамики нормативного реагирования в ответ на возникновение законодательного повода, в том числе на конъюнктурные и даже случайные события, снижении уровня требований к качеству принимаемых законодательных актов, дисбалансе между санкциями и общественной опасностью преступления [Бабаев, Пудовочкин, 2020]. Анализируя причины подобных законодательных решений, В. К. Дуюнов отмечает, что они являются результатом причины субъективного порядка: забвение или незнание, а может и сознательное игнорирование при подготовке многочисленных законодательных новелл субъектами правотворчества лежащих в основании уголовного права важнейших исходных положений, касающихся социального назначения, целей и задач, а также базовых, важнейших принципов, выработанных всей историей развития отечественного уголовного права и имеющих обязательное значение для всякого реформирования законодательства, которые никак нельзя игнорировать ни при совершенствовании законов, ни при их применении, настолько они важны [Дуюнов, 2014].

Следовательно, пренебрежение парадигмой рационального использования уголовного закона как социального инструмента формирует пробелы в целостности как уголовной

политики в целом, так и политики уголовно-правового противодействия отдельным видам преступлений. Пренебрежение основополагающими постулатами уголовно-правовой теории в законодательной практике влечет дисбаланс уголовно-правового регулирования, не позволяет формироваться системе межотраслевого взаимодействия, что в конечном итоге формирует фрагментарность правового поля. Особо следует подчеркнуть высокий коррупциогенный потенциал, создаваемый указанной законодательной практикой.

Парадигма предупреждения преступлений также выступает основополагающей парадигмой современной уголовной политики. Однако в отличие от ранее рассмотренных она в большей мере связана с вопросами не криминализации, а пенализации. Как полагает Д. А. Шестаков, существуют следующие парадигмы противодействия преступности: психолого-воспитательная, социальная, репрессивная и реститутивная [Шестаков, 2006]. По мнению Д. М. Гаджиева, все они сводятся к единому знаменателю – предупреждение преступности [Гаджиев, 2023] – с уточнением, что уголовно-правовое противодействие направлено на предупреждение преступлений, а такое социальное явление, как преступность, предупредить невозможно, следует лишь стремиться к установлению социального контроля над ней. В целом следует присоединиться к данному выводу. Действительно, уголовный закон существует не как самоцель, он имеет достаточно определенное прикладное назначение – снизить число преступлений, совершаемых в обществе, посредством реализации общей и частной превенции. В ч. 1 ст. 2 УК РФ среди задач уголовного закона четко обозначена такая, как предупреждение преступлений. Причем провести четкий водораздел между охранительной задачей и задачей предупреждения преступлений на примере уголовного закона провести достаточно проблематично. В этой связи представляется интересным предложение, высказанное А. И. Бойцовым, о «билатеральном» содержании названных задач, т.е. их органичной симметрии [Бойцов, 1996]. На это косвенно указывает и содержание УК РФ. Так, категория «предупреждение» содержится в тексте следующих норм УК РФ: при определении целей назначения наказания (ч. 3 ст. 43 УК РФ); при регламентации отсрочки отбывания наказания (ч. 2 ст. 82 УК РФ); отмены отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 2 ст. 82¹); содержания принудительных мер воспитательного воздействия (п. «а» ч. 2 ст. 90 и ч. 1 ст. 91); описании принудительных мер медицинского характера (ст. 98); при регламентации освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией (примечание к ст. 122), за участие в подготовке террористического акта (примечание к ст. 205); при описании состава разглашения данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Таким образом, совершенно очевидно, что уголовный закон следует обозначенной парадигме, ставя во главу угла задачу предупреждения преступлений. Другой вопрос, как эти нормативные установления реализуются на практике. Многие авторы отмечают неэффективность уголовного закона [Бадамшин, Черепашкин, 2012]. Среди основных причин низкого предупредительного воздействия уголовного закона на уровне частной превенции в настоящее время следует выделить: осуществление пенализации криминализованных деяний без учета мотива совершенного преступлений (например, санкции ст. 228 УК РФ); назначение наказания на основе формального подхода к требованиям ст. 60 УК РФ; неприменение альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия (например, ст. 82¹ УК РФ); широкое судебское усмотрение.

Нельзя поддержать тех авторов, которые ратуют за ужесточение уголовной политики, якобы, в целях повышения ее эффективности. Так, по мнению К.А. Сыч, «... в процессе исполнения наказаний юридически исправить осужденного, полагаясь только на средства

принудительно-карательного воздействия, можно лишь в значении устрашения, когда страх потерять свободу или иное социальное благо является более сильной мотивацией по сравнению с криминальной мотивацией» [Сыч, 2023]. Полагаем, что никаких объективных оснований отказываться от выведенного еще Ч. Беккариа постулата о том, что не строгость наказания, а его неотвратимость и справедливость должны стать залогом эффективности уголовного закона [Беккариа, 1806], не существует. Совершенно справедлив в этом аспекте вывод о том, что «... механизм противодействия преступности, сориентированный преимущественно на уголовно-репрессивные средства и методы, устарел» [Лесников, 2005].

Законодатель при формировании уголовно-правовых норм обязан исходить из парадигмы предупреждения преступлений, иначе само уголовное законодательство становится фикцией либо инструментом политических репрессий, что недопустимо в цивилизованном обществе и правовом государстве.

Заключение

Резюмируя осуществленный анализ законодательных парадигм в механизме уголовной политики России первой четверти XXI в., необходимо подчеркнуть, что следование обозначенным парадигмам есть необходимое условие формирования и органичного отображения в уголовном законе уголовной политики, отвечающей новым реалиям существования социума, цифровизации и глобализации. Условность уголовной политики России предопределена тем, что законодатель нередко игнорирует основные ее парадигмы, следуя политизированным интересам и конъюнктурным обстоятельствам. В силу сказанного можно заключить, что назрела острая необходимость в разработке целостной концепции уголовной политики Российской Федерации на основе таких законодательных парадигм, как: 1) стабильность уголовного закона при разумном его динамизме; 2) сохранение национальной идентичности; 3) сближение правовых систем; 4) рациональное использование уголовного закона как социального инструмента; 5) предупреждение преступлений.

Библиография

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 12 июня 2024 № 133-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 25 октября 2024 г. № 350-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18.04.2002 // Российская газета. 2002. 19 апреля.
11. Алауханов Е.О. Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М.: Проспект, 2010. С. 10.
12. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 142.
13. Бадамшин И.Д., Черепашкин А.С. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 3. Т. 5.
14. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1806. [8], VIII, 17-200 с.
15. Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: автореф. дис. ... д-

- ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.
16. Богущ Г.И. Транснациональное уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов 6-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 478–483.
 17. Бойцов А.И. Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. С. 8.
 18. Брыка И.И., Хаперская К.С. Уголовно-правовая политика и криминализация/декриминализация уголовного закона // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 154.
 19. Ведерникова О.Н. О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 82-91.
 20. Вестов Ф.А., Шамьенов Н.Р. Перспективы декриминализации преступлений субъектов экономической деятельности // Эксперт: теория и практика. 2021. № 4 (13). С. 46–51.
 21. Волкова О. В. Реализация уголовной политики путем криминализации и декриминализации отдельных преступных посягательств // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 518.
 22. Гаухман Л. Д. Нестабильность уголовного законодательства как угроза разрушения правопорядка // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 3. С. 87-88.
 23. Гаджиев Д.М. Понятие, парадигма и цели противодействия преступности, дифференциация мер предупреждения // Научные высказывания. 2023. №22 (46). С. 122-128.
 24. Дуюнов В.К. Стабильность и динамизм в уголовном законодательстве // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции / редсовет: Г.А. Русанов и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина (г. Москва, 26 апреля 2013 г.). М., 2014. С. 56.
 25. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2015. Т. 2. Уголовное право. С. 421.
 26. Жалинский А.Е. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2015. С. 172.
 27. Зорькин В.Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>.
 28. Кирсанов К.А., Булавина М.А. Цивилизационное законодательство: часть третья – новопарадигматические поиски // Либерально-демократические ценности. 2021. № 3. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/10UNLD321.pdf>.
 29. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 236-237.
 30. Кудрявцев В.Н. Закон. Поступок. Ответственность. М. 2017. С. 100.
 31. Курсаев А.В. Критерии деформации стабильности уголовного права // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 124-128.
 32. Курсаев А.В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600-606.
 33. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России: Методологические, правовые и организационные основы: дис. ... д-ра. юрид. наук М., 2005. С. 79.
 34. Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. Изменение уголовного закона как причина его дисфункциональности и проявления юридической аномии // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 4. С. 33.
 35. Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 1. С. 48.
 36. Лопашенко Н.А. Эффективное уголовное законодательство: утопия, иллюзия или нереализованные возможности? // Заседание Санкт-Петербургского криминологического клуба на тему «Криминология закона». URL: http://sartracc.m/i.php?filename=Conference%2Foverview_krim_zak.htm&oper=read_file
 37. Малько А.В., Костенко М.А. Юридическая техника в правотворческой политике // Правотворческая политика в современной России / Под ред. А.В. Малько. М. 2016. С. 103.
 38. Маркунцов С.А. Новеллизация российского уголовного закона: цифры и факты. М. 2019. С. 74-75.
 39. Наумов А. В. Содержание и пределы модернизации концепции наказания (в контексте истории и современности) // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 41.
 40. Нестабильность уголовного закона. В Верховном Суде РФ эксперты назвали присущие уголовному и уголовно-процессуальному законам недостатки. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nestabilnost-ugolovnogo-zakona/>.
 41. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. 10 июня.
 42. Подройкина И. А., Кругликова Д. А. Вопросы целесообразности введения новых составов в российское уголовное законодательство // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1(46). С. 358-362.
 43. Путин поручил продолжить гуманизацию уголовного законодательства России. URL: <https://dzen.ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7>.
 44. Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно -правового регулирования // Вестник Пермского

- университета. Юридические науки. 2018. № 39. С. 125-133.
45. Сизова В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
46. Сплавская Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 41.
47. Сыч К.А. Доминирующие парадигмы наказания и иных принудительных мер уголовного права в контексте их развития // Человек: преступление и наказание. 2023. № 4. Т. 31. С. 519.
48. Титаев К., Четверикова И. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать. М., 2017.
49. Уголовное право Общая часть: учебник / отв ред И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. С. 19.
50. Цай К.А. Уголовно-правовая парадигма как основа для формирования теоретического фундамента уголовной политики России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 143.
51. Цепелев В.Ф. Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 448.
52. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире. СПб, 2006. С. 242.

Legislative Paradigms in the Mechanism of Russia's Criminal Policy in the First Quarter of the 21st Century

Mikhail M. Pavlychev

PhD in Law,
Judge,
Krasnodar Regional Court,
350063, 8, Krasnaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: mikhail_pavlychev@mail.ru

Abstract

The author conducts a conceptual study of the contemporary content of criminal policy through doctrinal justification, analyzing the substantive content of legislative paradigms. The article provides additional substantiation for the model of criminal policy mechanism and identifies the place of these conceptual approaches in its formation. Particular attention is given to the systematization and substantive analysis of legislative paradigms as the foundation of Russia's current criminal policy. By examining the views of domestic legal scholars, the study outlines directions for changes in criminal policy and the content of the legislative paradigms that define it. The author offers a critical perspective on the current state of criminal law and identifies ways to optimize its content based on the considered paradigms. The article also addresses the need to adjust criminal policy in light of new societal realities, digitalization, and globalization.

For citation

Pavlychev M.M. (2025) *Zakonodatel'nye paradigmy v mekhanizme ugovnoyi politiki Rossii pervoi chetverti XXI veka* [Legislative Paradigms in the Mechanism of Russia's Criminal Policy in the First Quarter of the 21st Century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 563-575.

Keywords

Legislative paradigm, criminal policy, doctrine, crime prevention, national identity, convergence of legal systems, instability of criminal law.

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of April 18, 2002. Rossiyskaya Gazeta, April 19, 2002.
2. Alauhanov, E.O. (2010). Problems of correlation between national criminal law and international criminal law. In *Scientific foundations of criminal law and globalization processes* (p. 10). Prospekt.
3. Babaev, M.M., & Pudovochkin, Yu.E. (2014). Problems of Russian criminal policy (p. 142). Prospekt.
4. Badamshin, I.D., & Cherepashkin, A.S. (2012). On the concept and conditions of effectiveness of criminal law norms. *Problem Analysis and State Management Design*, 5(3).
5. Beccaria, C. (1806). *On crimes and punishments*. I. Glazunov Publishing.
6. Bibik, O.N. (2015). Cultural dimension of criminal law and criminological research [Doctoral dissertation abstract] (p. 13). Yekaterinburg.
7. Bogush, G.I. (2009). Transnational criminal law. In *Criminal law: Development strategy in the 21st century* (pp. 478-483).
8. Boitsov, A.I. (1996). Criminal law: Substantive, attributive and normative aspects of operation [Doctoral dissertation abstract] (p. 8). Saint Petersburg.
9. Bryka, I.I., & Khaperskaya, K.S. (2019). Criminal law policy and criminalization/decriminalization of criminal law. *Legal Paradigm*, 18(2), 154.
10. Criminal Law. General Part (2008). (I.Ya. Kozachenko, Ed.) (p. 19). Norma.
11. Duyunov, V.K. (2014). Stability and dynamism in criminal legislation. In *Current problems of the theory and practice of criminal law application* (p. 56).
12. Errors in the Criminal Code. Rossiyskaya Gazeta, June 10, 2010.
13. Federal Law No. 111-FZ of May 29, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
14. Federal Law No. 133-FZ of June 12, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
15. Federal Law No. 218-FZ of August 8, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
16. Federal Law No. 340-FZ of October 2, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
17. Federal Law No. 350-FZ of October 25, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
18. Federal Law No. 383-FZ of November 9, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
19. Federal Law No. 406-FZ of November 23, 2024 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 28.1 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". ConsultantPlus Legal Database.
20. Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
21. Federal Law No. 79-FZ of April 6, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
22. Gadzhiev, D.M. (2023). Concept, paradigm and goals of crime prevention, differentiation of preventive measures. *Scientific Statements*, 22(46), 122-128.
23. Gauhman, L.D. (2014). Instability of criminal legislation as a threat to the destruction of law and order. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 3, 87-88.
24. Instability of criminal law. Experts in the Supreme Court of the Russian Federation named the shortcomings inherent in criminal and criminal procedure laws. <https://www.advgazeta.ru/novosti/nestabilnost-ugolovnogo-zakona/>
25. Kirsanov, K.A., & Bulavina, M.A. (2021). Civilizational legislation: Part three - new paradigmatic searches. *Liberal-Democratic Values*, 3. <https://liberal-journal.ru/PDF/10UNLD321.pdf>
26. Korobeev, A.I. (2019). Russia's criminal law policy: From genesis to crisis (pp. 236-237). Yurlitinform.
27. Kudryavtsev, V.N. (2017). Law. Act. Responsibility (p. 100).
28. KursaeV, A.V. (2021). Criteria for deformation of criminal law stability. *Bulletin of Economic Security*, 5, 124-128.
29. KursaeV, A.V. (2021). Negative aspects of criminal law novellization. *Legal Technique*, 15, 600-606.
30. Lesnikov, G.Yu. (2005). Criminal policy of modern Russia: Methodological, legal and organizational foundations [Doctoral dissertation] (p. 79). Moscow.
31. Lipinsky, D.A., et al. (2023). Changes in criminal law as a cause of its dysfunctionality and manifestations of legal anomie. *Science. Society. State*, 11(4), 33.
32. Lopashenko, N.A. (2015). Criminal policy on the principle of "what would you like?", or criminal law as a means of solving all problems. *Moscow University Law Bulletin*, 1, 48.
33. Lopashenko, N.A. Effective criminal legislation: Utopia, illusion or unrealized opportunities? http://sartracc.m/i.php?filename=Conference%2Foverview_krim_zak.htm&oper=read_file
34. Mal'ko, A.V., & Kostenko, M.A. (2016). Legal technique in law-making policy. In *Law-making policy in modern Russia* (p. 103).

35. Markuntsov, S.A. (2019). Novellization of Russian criminal law: Figures and facts (pp. 74-75).
36. Naumov, A.V. (2013). Content and limits of modernization of the concept of punishment (in the context of history and modernity). *Man: Crime and Punishment*, 3(82), 41.
37. Podroikina, I.A., & Kruglikova, D.A. (2019). Issues of advisability of introducing new offenses into Russian criminal legislation. *Business. Education. Law*, 1(46), 358-362.
38. Putin instructed to continue the humanization of Russia's criminal legislation. <https://dzen.ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7>
39. Sergeev, D.N. (2018). Lawmaking in the system of criminal law regulation. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 39, 125-133.
40. Shestakov, D.A. (2006). Criminology. New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. *Combating crime in a changing world* (p. 242). Saint Petersburg.
41. Sizova, V.N. (2012). Effectiveness of Russian criminal legislation (theoretical and applied analysis) [Candidate dissertation abstract]. Nizhny Novgorod.
42. Splavskaya, N.V. (2017). On the issue of the effectiveness of Russian criminal legislation. *State and Law in the 21st Century*, 1, 41.
43. Sych, K.A. (2023). Dominant paradigms of punishment and other coercive measures of criminal law in the context of their development. *Man: Crime and Punishment*, 31(4), 519.
44. Titaev, K., & Chetverikova, I. (2017). Excessive criminalization of economic activity in Russia: How it happens and what to do about it.
45. Tsai, K.A. (2016). Criminal law paradigm as the basis for forming the theoretical foundation of Russia's criminal policy. *Current Problems of Russian Law*, 11(72), 143.
46. Tsepelev, V.F. (2009). International cooperation of states in the fight against crime. In *International criminal justice: Contemporary issues* (p. 448). Institute of Law and Public Policy.
47. Vedernikova, O.N. (2005). On the state of crime in the country and the world, criminoglobalistics and anti-globalism. *Russian Criminological View*, 2, 82-91.
48. Vestov, F.A., & Shamienov, N.R. (2021). Prospects for decriminalization of crimes by economic entities. *Expert: Theory and Practice*, 4(13), 46-51.
49. Volkova, O.V. (2022). Implementation of criminal policy through criminalization and decriminalization of certain criminal offenses. *Issues of Russian Justice*, 17, 518.
50. Zhalinsky, A.E. (2015). Criminal law awaiting changes: Theoretical and instrumental analysis (p. 172). *Prospekt*.
51. Zhalinsky, A.E. (2015). Selected works: In 4 vols. Vol. 2. Criminal law (p. 421). Higher School of Economics Publishing House.
52. Zorkin, V.D. Problems of implementation of the Human Rights Convention. <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>